

Соч.: Горный ключ. Пг., 1916.

Лит.: Томашевский Б. Мастер перевода // Искусство и жизнь. 1940. № 8; Федоров А. О творчестве М. Лозинского // Звезда. 1946. № 10; Эткинд Е. Искусство переводчика // Иностранная литература. 1956. № 3; Эткинд Е. Архив переводчика // Мастерство перевода. М., 1959; Татосян Г. Лозинский — переводчик Саят-Нова // Лит. Армения. 1962. № 7; Ивановский Игн. О двух мастерах // Север. 1969. № 6; Шор В. Кола Брюньон: на рус. яз. // Мастерство перевода. М., 1970; Баццарелли Э. О переводе «Божественной комедии» Лозинского: Система эквивалентов // Сравнительное изучение литератур: Сб. статей к 80-летию академика М. П. Алексеева. Л., 1976; Федоров А. Искусство перевода и жизнь литературы. Л., 1983; Миллер Е. Михаил Леонидович Лозинский: Из воспоминаний / публ. Ив. Толстого // Русская мысль. 1990. 6 апр.

В. В. Попов

ЛОСЕВ Лев (до 1981 Алексей; настоящее имя Лев Владимирович Лифшиц) [15.6.1937, Ленинград] — поэт, эссеист, литературовед, драматург.

Отец — В. А. Лифшиц, поэт, детский писатель. Мать — А. М. Генкина, автор нескольких стихотворных книг для детей. За вычетом немногих лет (1941–44 — годы эвакуации в Омске, 1959–60 — работа на Сахалине) до февр. 1976 жил в Ленинграде. С 1954 по 1959 учился на филол. ф-те ЛГУ, где познакомился и подружился с Л. Виноградовым, В. Герасимовым, М. Ереминым, С. Кулле, В. Уфляндом, составившими (вместе с А. Кондратовым) лит. содружество, заметное в неофициальной культурной жизни Ленинграда конца 1950–70-х. В начальной стихотворной практике Л. сильнее всего воспринял обэриутские веяния. Большое значение для Л. имело посещение (вместе с Ереминым и Виноградовым) 29 янв. 1956 Б. Пастернака, в поэзию которого он был влюблен с детства. Главным для Л. всегда была автономия личного переживания, сбереженная от чужеродных примесей память. Наслушавшись и начитавшись проповедников всех рангов, Л. предпочел умозрение Чехова, Зощенко и Шварца, т. е. необозримую сферу конкретных суждений, разлад и полноту частного существования.

В неоконченной книге «**Меандр**» Л. рассуждает: «Всегда находились поэты и художники достаточно молодые, пьющие или сумасшедшие (или все это вместе), чтобы пренебрегать опасностью и резвиться лагерной бездны на краю. <...> Водка была катализатором духовного раскрепощения, открывала дверцы в интересные подвалы подсознания, а заодно приучала не бояться — людей, вла-

стей». Первый раздел первой свободно изданной книги стихов Л. «**Чудесный десант**» (1985) называется «Памяти водки». Это память об артистической «жизни напоказ», но не о «жизни показательной», запечатленный опыт отчуждения от карьеристских потуг — противоположный практике закулисного куража карьеристов.

Печатался Л. с 17 лет. После недолгой журналистской работы в газ. «Сахалинский нефтяник» работал редактором в детском ж. «Костер» (1962–75). Писал стихи для детей, которые вошли в книги «**Зоосад**» (Л., 1962) и «**Смелый профессор Булавочкин**» (Л., 1969). В начале 1970-х он сочинял пьесы для кукольного театра («**Неизвестные подвиги Геракла**», 1972); в 1975 совместно с женой Н. Моховой написал пьесу «**Слон прилетел!**», а перед самой эмиграцией в соавторстве с Виноградовым и Ереминым — пьесу «**Медвезайцы**». Она с успехом шла в ленинградском кукольном театре Евгения Деммени уже после отъезда Л., но без его имени на афишах.

В 1972 из Ленинграда уехал в эмиграцию И. Бродский, знакомство с поэзией которого и с ним самим весьма впечатлило Л. В 1976 Л. эмигрировал в США. Получил место в американском изд-ве «Ардис», специализирующемся на выпуске русских книг, параллельно (в 1977) поступил в аспирантуру Мичиганского ун-та. Оставил «Ардис»

Л. Лосев

(в 1978) и Мичиганский ун-т (в 1979) ради Дартмутского колледжа в Ханovere, штат Нью-Гэмпшир, где стал профессором и главой (с 1999) Русского отделения. Единственная поездка на родину (1998) легла в основу «**Москвы от Лосеффа**» (Знамя. 1999. № 2) — бытовых зарисовок новой московской жизни с вписанными в них портретами.

Менее чем за 10 лет Л. стал одним из известных славистов США, автором монографии (на английском) «**О благодетельности цензуры. Эзопы в новой русской литературе**» (1984). К 2003 библиография литературоведческих статей Л. насчитывает полсотни названий. Это если не считать эссеистики, рецензий и работ, посвященных Бродскому, среди которых сб. статей под ред. и при участии Л. «**Поэтика Бродского**» (Tepafly, 1986), книга «**Бродский: Труды и дни**» (совместно с П. Вайлем. М., 1998) и др. Для петербургской «Новой Библиотеки поэта» Л. составил, написал предисл. и прим. к «Стихотворениям и поэмам» Бродского в 2 т. Как журналист Л. с 1979 работает лит. обозревателем на радиостанции «Голос Америки», сотрудничая также со «Свободой», Би-би-си и «Радио Франции». В 1981 он получил гражданство США и узаконил свой псевдоним как американскую фамилию — Lev Loseff.

Поэтический дебют Л. состоялся в парижском ж. «Эхо» (1979. № 4). Подборке стих. сопутствовало эссе Бродского «О стихах А. Лосева». Бродский охарактеризовал Л. как поэта «крайне сдержанного», определив его роль в совр. русской поэзии как роль «нового Вяземского». Лирической темой его стихов стало отращивание к поздней советской жизни. Авторская внутренняя психологическая установка выражена Л. в строках: «Левосев не поэт, не кифаред. / Он маринист, он велимировед, / бродскит в очках и с реденькой бородкой, / он осиполог с силой глоткой, / он пахнет водкой, / он порет бред».

Способность отстраняться от самого себя заводит «освобожденную душу» далеко, позволяет взглянуть на весь мир, как на брошенное этой душой тело. Вот образец лосевской поэтики «перемещенного лица»: «„Земля же / была безвидна и пуста“. / В вышеописанном пейзаже / Родные узнаю места». Подобный взгляд на мир уже случалось обнаруживать Ходасевичу: «Смотрю в окно — и презираю. / Смотрю в себя — презрен я сам». Разница в том, что Л. этот взгляд не декларирует, не возводит в принцип. Л.— поэт досады, а не принципов. Досады на всяческие мировоззренческие установки, в первую оче-

редь на те, что исповедуют романтики. На вопрос о собственных лит. принципах он отвечает словами Акутагавы: «У меня нет принципов, у меня только нервы».

Мерой отвращения к себе оправдываются у Л. все дерзости по отношению к «вечным спутникам», которыми полнятся его лирические тексты. Все лосевские сатиры — лирический жанр. Что Л. бичует, по тому и тоскует. По Блоку, по стихотворцам советской поры: «О муза! будь доброй к поэту, / пускай он гульнет по буфету, / пускай он нарежется в дым, / дай хрену ему к осетрине, / дай столик поближе к витрине, / чтоб желтым зажегся в графине / закат над его заливным».

Л. пишет о том, что в каждом человеке все время что-то умирает. Это чувство и подлежит выражению. Ибо «Никто со мной не помянет / того, что умерло во мне». Начав с «недорожества» в первой книге «Чудесный десант», Л. в «**Новых сведениях о Карле и Кларе**» (за эту книгу он в 1997 получил петербургскую лит. премию «Северная Пальмира») описывает праздник собственного «нерождения» в стих. «**С грехом пополам**»: «Потом она долго сидела одна / в приемной врача. / И кожа дивана была холодная, / ее — горяча, / клеенка — блестяща, боль — тонкоостра, / мгновенен — туман. / Был врач из евреев, из русских сестра, / Толпа из армян...»

В основе лосевских сюжетов лежит какая-нибудь жалостливая история, «случай», пропадающая жизнь пропадающего современника. Только у Л. «случай» отстраняется, убирается в подтекст, всячески вуалируется, остается вне морализирующей оценки. «Случай» в поэзии Л. не только повествовательная, но и философская величина. В заполонившей мир толпе «из армян, / из турок, фотографов, нэпманш-мамаш, / папашек, шпаны» все — «дело случая». Часто — безнадежного. Парадокс в том, что в этом же хаосе — едва ли не единственный проблеск надежды. Одни случайности в нем — обнадеживают. На периферии сознания, почти вне стихов и земли, возникает лосевский лирический герой: «На гнущем дельфине — с волны на волну — / сквозь мрак и луну, / невидимый мальчик дул в раковину, / дул в раковину». Как бы ни спорил Л. с романтизмом, именно этот романтический призрак, нематериализовавшийся, а потому бессмертный, «невидимый мальчик», именно он — лосевский герой и близнец блоковского: «И только высоко, у Царских Врат, / Причастный Тайнам, — плакал ребенок / О том, что никто не придет назад». Разница лишь в том, что блоковские прописные Л. заменил в своих стихах на строчные.

В последних поэтических сб. Л. пишет стихи «на случай», посвященные друзьям детства, душевные послания усопшим. Остроумие Л. привлекательно, когда мрачно, его мизантропия носит игровой характер, не безнадёжна, не уныла. В стихах Л. всегда слышен бодрящий лит. отзвук, не позволяющий смешивать искусство с жизнью. Поэзия Л. вся в облаке аллюзий и реминисценций, вся подержана от века данной гармонией. Это поэзия нечаянной радости случайно продленного времени. Поэзия продленного застолья как всецело адекватной формы русской культуры: «Лучок нарезан колесом. / Огурчик морщится соленый. / Горбушка горбится. На всем / грубоватый свет зеленый...»

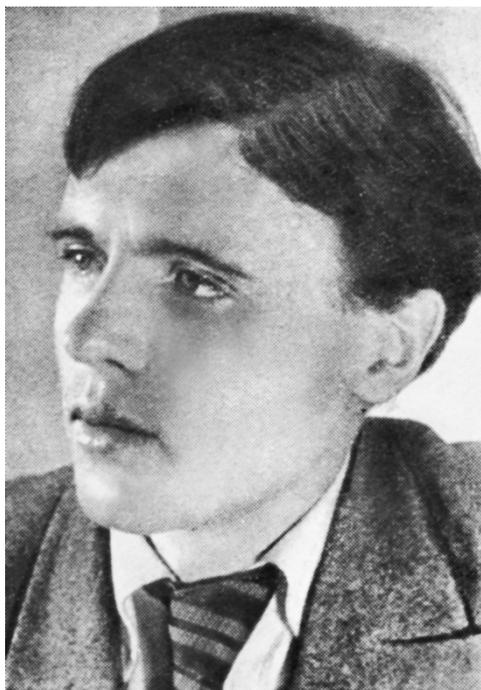
Соч.: On the Beneficence of Censorship: Aesopian Language in Modern Russian Literature. München, 1984; Жратва. Закрытый распределитель. Ann Arbor, 1984; Чудесный десант. Tenaflv, 1985; Тайный советник. Tenaflv, 1988; Новые сведения о Карле и Кларе. СПб., 1996; Послесловие. СПб., 1998; Стихотворения из четырех книг. СПб., 1999; Sisyphus Redux. СПб., 2000; Солженицын и Бродский как соседи // Звезда. 2000. № 5; Примечания с примечаниями // Новое лит. обозрение. 2000. № 45; Упорная жизнь Джеймса Клиффорда // Звезда. 2001. № 1; Собранное. Екатеринбург, 2001; О любви Ахматовой к «Народу» // Звезда. 2002. № 1; Нелюбовь Ахматовой к Чехову // Звезда. 2002. № 7.

Лит.: Парамонов Б. Выживание поэта // Грани. 1986. № 140; Максимов В. Лосевiana // Новое русское слово. 1988. 4 мая; Smith Gerald S. Flight of the Angels: The poetry of Lev Loseff // Slavic Review. 1988. Vol. 47. № 1; Уфлянд В. Могущая питерская хворь // Звезда. 1990. № 1; Толстой Ив. [Вступ. статья к публ. стихов Л.] // Звезда. 1990. № 9; Гандлевский С. Литература²: Мрачная веселость Льва Лосева // Знамя. 1996. № 7; Немзер А. Неминуемое неизменное // Сегодня. 1996. 17 сент.; Земляная О. Хайдеггер и Лосев // Звезда. 1997. № 6; Быков Д. Вокруг отсутствия // Новый мир. 2001. № 8.

А. Ю. Арьев

ЛОСКУТОВ Михаил Петрович [11(24).9.1906, Курск — 1940 (по др. данным — 1943), в заключении] — прозаик.

Л. пришел в лит-ру в начале 1920-х с типичной для того времени «антимещанской» проблематикой фельетонов и очерков, в которых одновременно утверждалась идея победы нового мира и которые уже тогда граничили по своему характеру с рассказами. Не случайно уже в конце 1920-х ранние произведения Л. были опубликованы отд. книгами: «**Конец Мещанского переулка**» (1928), «**Золотая пустота**» (1929, совме-

М. П. Лоскутов

стно с С. В. Урнисом) и «**Отвоеванное у водки**» (1929).

Известность приходит к Л. в 1930-е — время многочисленных писательских командировок в различные концы необъятной страны, время активного освоения советской литрой новой действительности, в частности, темы «советского Востока» — в этом принимали участие А. Платонов, К. Паустовский, В. Иванов, Н. Тихонов, В. Луговской, В. Гусев и др. Это было не только инициированной «сверху» агитационной кампанией. «В жизни каждого писателя бывают годы спокойной работы, но бывают иногда годы, похожие на ослепительный взрыв творчества». Одним из таких «взрывов» было для ряда писателей начало 1930-х — «годы шумных споров, напряженной работы, нашей писательской молодости и, пожалуй, наибольших писательских дерзаний» (Паустовский К. СС: в 6 т. М., 1958. Т. 5. С. 581–582). Писатели не просто осваивали экзотическую восточную тематику, но утверждали идеи интернациональной дружбы между народами, способствовали творческому росту ряда молодых художников региона. Глубоко изучая инонациональный худож. опыт и психологию, они развивали уникальную традицию худож. разнообразия многонациональной лит-ры, преодолевая национальный герметизм и создавая возможность взаимо-